

Евгений Голубовский

«Не мемуары, а свободная повесть»

До сих пор не написана история журналистики в Одессе. И, боюсь, не будет написана. Тут нужен новый Олег Губарь, который на десятилетия ушел бы в библиотеки, в архивы. Но клонирование оказалось мистификацией, а выращиванию естественным путем новых подвижников не способствует наше время.

Конечно же, отдельные яркие фигуры интересовали исследователей. Публиковались фельетоны В. Дорошевича и В. Жаботинского, были собраны очерки Александра Дерибаса, не вошедшие в его книгу. Недавно О. Киянская и Д. Фельдман вернули из забвения журналиста, художника Якова Бельского. Естественно, что были и другие исследования, касавшиеся некоторых журналистов. Но цельной картины, панорамы не было и нет.

Хоть, впрочем, яркая картина, вобравшая в себя всего два года, была написана. И было это не исследование, не мемуары, а великолепная повесть Константина Паустовского «Время больших ожиданий».

Почему я сейчас вспомнил об этом? Да потому что держу в руках эту книгу, изданную в 1960 году в Москве.

Подробнее напишу именно об этой книге, той, что держу в руках, дальше. А сейчас хочу рассказать, какое впечатление повесть произвела на меня в далеком 1959 году, когда я прочел ее на страницах журнала «Октябрь».

Уже название повести, «Время больших ожиданий», совпало с ощущением конца пятидесятых – начала шестидесятых годов. Смерть усатого палача, начало реабилитации невинно замученных, расстрелянных вновь воскресили надежды, пробудили большие ожидания. Что с того, что опыт мог подсказать, что

большие ожидания чаще всего оканчивались печально? Но так хотелось верить...

Паустовского я читал и раньше, мне нравились его рассказы, но «Время больших ожиданий» очаровало. В книге была любовь к Одессе, знание Одессы, понимание Одессы. И, конечно, главным героем повести для меня был Исаак Бабель. Совсем недавно реабилитированный, уже прочитанный в недавно изданном сборнике, он представлял собой загадку, которую хотелось понять. Образ, созданный Константином Георгиевичем, как бы вписывался в «Одесские рассказы», делал Бабеля понятней и ближе.

Прошло более чем полвека. У меня сохранилась любовь к этой повести и смутное ощущение теплоты, радости от того, что прочитал в 1959 году. Время от времени какая-то фамилия заставляла меня пересматривать, перелистывать повесть. То это был Николай Иванович Харджиев, в повести Коля Ходжаев, то Василий Регинин, который позже, в Москве, опубликовал «Двенадцать стульев», то Ловенгардт...

Каюсь, мое внимание не привлек Аренберг. Может, потому что я знал, что с ним знаком Саша Розенбойм, который встречался, беседовал с ним, а раз так, то выспросил тотально, и надеяться на какую-то находку казалось уже бессмысленным. Каюсь, ошибался...

Недавно во Всемирном клубе одесситов мой старый приятель, журналист Вадим Кигель, лукаво улыбнувшись, спросил меня:

- Кому подарить книгу Паустовского с его автографом?
- Мне, – ответил я, еще, признаюсь, не веря его словам.
- А кому подарил ее Константин Георгиевич?
- Моему дяде, журналисту Аренбергу...

И вот уже дома, вечером, я вновь открываю «Время больших ожиданий».

«Начали собираться сотрудники. Пришел репортер Аренберг, плотный человек со смеющимися глазами.

Он бурно радовался любой новости, будь то приход в порт норвежского парохода «Камилла Гильберт» или землетрясение в Аравии.

Его возбуждал самый ход жизни, все перипетии и подробности ее движения, все ее перемены, независимо от того, что это может

принести с собой: беду или счастье. Это было для него вопросом тоже важным, но все же второстепенным».

Эх, если бы была написана история одесской журналистики, как много интересного можно было бы прочитать об Александре Анисимовиче Аренберге! Многое я узнал уже сейчас из книги, подготовленной Е.Н. Гнединой, куда вошли тексты Александра Розенбойма и многих других.

В 1896 году, в восемнадцать лет, Аренберг начал работать репортером в газете «Одесские новости». Он родился в Тирасполе 21.1.1878 года. Окончил 3-классное училище, а дальше – самообразование. Он был знаком с К. Чуковским, С. Уточкинским, Л. Утесовым. Он брал интервью у В. Жаботинского, И. Бунина, Ф. Сологуба, А. Федорова, К. Костанди и П. Нилуса... Если бы он написал воспоминания! Но, как он сказал Александру Розенбойму: «Слишком много воды утекло... – помолчал и добавил: – И крови».

Эти строки из замечательного труда Ростислава Александрова, а это псевдоним Александра Розенбойма, «Путешествие внутри книги», исследования, посвященного «Времени больших ожиданий», книге, которую Саша любил, изучал, пропагандировал.

После «Одесских новостей» был «Моряк». Был Аренберг собкором «Правды» и «Соцземледелия».

А потом и его накрыл большой террор.

В упомянутой книге я прочитал об Аренберге: «...был арестован и сослан на 10 лет за анекдот, рассказанный в кругу друзей». Не совсем, оказывается, так. Но об этом не знал ни Саша Розенбойм, ни Е.Н. Гнедина...

Интересно устроена жизнь. Именно в те дни, когда я вчитывался в биографию Аренберга, литературовед Оксана Киянская опубликовала на Фейсбуке страничку расстрельного дела одесского журналиста Б. Флита. И там промелькнула фамилия Аренберга. Я попросил Оксану Ивановну дать мне возможность прочесть это дело (вместе с Аленой Яворской она будет его публиковать), объяснив, что меня интересует другой подельник – Александр Аренберг. И, получив это дело, прочитав все протоколы допросов, я понял, что дело было не в анекдоте, что «выдал» Аренберг государственную тайну – наличие голода на Украине в 1933 году...

26 апреля 1935 года одновременно был произведен арест двух журналистов, одесских друзей – Бориса Флита, жившего в то время уже в Москве, и Александра Аренберга, приехавшего в Москву из Одессы в связи с увольнением из газеты. Обоих обвинили в... контрреволюционной агитации.

А конкретно Аренбергу поставили в вину, что два года тому назад, в 1933 году, приехав в Москву, он рассказывал на квартире Флита в кругу старых одесских знакомых о голоде в Одесской области, а в 1935 опять же в компании журналистов говорил о том, что провален сев и вновь возможен голод.

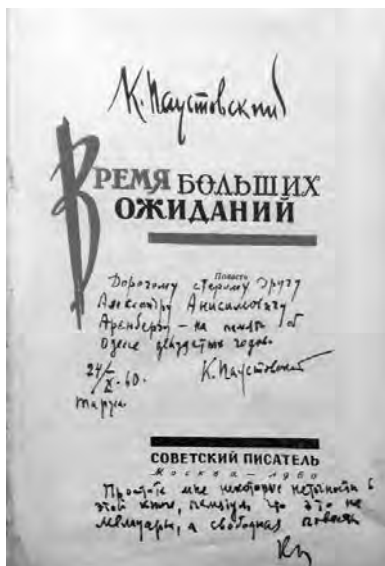
Следствие не интересовало реальное положение дел. Сам факт сообщения о голоде был контрреволюционным.

Три месяца длилось следствие. И хоть Аренберг отрицал участие в антисоветских разговорах, но Особое совещание приговорило его к трем годам ссылки. Можно сказать, что ему повезло, и срок был «вегетарианским». Борису Флиту повезло меньше. Осужденный также на три года, он затем в ссылке повторно был приговорен к расстрелу.

Аренберг через три года вышел из заключения. Помог ему Константин Паустовский. Сегодня уже не узнать, как и чем. Но сохранился черновик письма Аренберга Паустовскому, в котором он писал: «Дорогой Константин Георгиевич! Люди познаются в беде. В отдельных случаях этот признак, конечно, излишен. Не нужно было никаких несчастий, чтобы всегда видеть в Вашем лице человека чуткого, отзывчивого, лишенного какой бы

Александр Аренберг

то ни было черствости. И хоть не нужны были никакие доказательства, они пришли помимо моей воли. Лучше было бы, конечно, если бы не надо было проявлять ко мне свойственную Вам сердечность. Но факт налицо. Ничего не напишешь...».

«Ничего не напишешь» (двусмысленная фраза) – это урок самому себе. В журнальтику Александр Аренберг не вернулся. Не напишешь... Приехав в Одессу в 1939 году, пошел работать на киностудию. Мемуаров не писал... Умер в Одессе 21 марта 1966 года.

Дружеские отношения с Паустовским сохранялись всю

жизнь. И вот у меня в руках одно из вещественных доказательств этих отношений. Книга «Время больших ожиданий», изданная «Советским писателем» в Москве в 1960 году. Из Тарусы в Одессу прислал ее Константин Георгиевич. На титульной странице две надписи. Первая – дарственная.

«Дорогому старому другу Александру Анисимовичу Аренбергу – на память об Одессе двадцатых годов.

К. Паустовский

24.10.60.

Таруса».

А дальше, рискну предположить, что Константин Георгиевич представил, как будет читать книгу старый одессит, знающий каждый камень в родном городе, и продолжил:

«Простите мне некоторые неточности в этой книге, памятуя, что это не мемуары, а свободная повесть.

КП»

Трудно подобрать более точные слова.

Константин Паустовский

Конечно же, повесть – художественное произведение.

Конечно же, свободная. Насколько можно было быть свободным в дни «оттепели».

И еще – круг ассоциаций...

Помните, у Пушкина: «И даль свободного романа я сквозь магический кристалл еще неясно различал».

От свободного романа, где есть глава об Одессе 1820-х, тянутся нити вдохновения к свободной повести об Одессе 1920-х годов. Менялись годы, власти, оставался город. И море – свободная стихия...

Такие мысли неожиданно вызвал автограф Константина Паустовского, прочитанный в 2017 году, в котором 31 мая исполнилось 125 лет со дня рождения писателя.

И когда так ждешь новой свободной повести...

